

ОТ КАТЕГОРИЙ И ТОПИКИ АРИСТОТЕЛЯ К ИНТЕГРАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Валентина Алексеевна САДИКОВА¹

FROM THE CATEGORIES AND TOPICS OF ARISTOTLE TO INTEGRATIVE LINGUISTIC PARADIGM Valentina A. SADIKOVA

РЕЗЮМЕ. Топы, категории и предикабили Аристотеля рассматриваются в единстве и взаимодействии. На их основе предлагается современная исчислимая система синтетических единиц (топов), которая представляет собой базу взаимопонимания людей в процессе общения. Здесь, органично связывается актуальное бытие, язык-речь и мышление-сознание людей в каждый текущий момент коммуникации. Порождающие коммуникативный смысл единицы (топы) имеют диалектическую природу и одновременно представляют собой вершинные языковые категории и речевые структурно-смысловые модели, или инварианты высказывания. В этом качестве могут служить основой для современной интегративной лингвистической парадигмы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: категории, предикабили, топика, диалектика, структурирование бытия, инвариант, коммуникация

ABSTRACT. Here, Aristotle's *TOPOI* and predicables are examined in their interaction and united manifestation. Further, a contemporary system of accountable units is suggested as a base for human communication. At every moment of communication actual Being, *langue-parole* and cognition-consciousness are assumed to be organically connected. It is shown how *TOPOI* (the sense/bearing units) display their dialectical nature, simultaneously acting as the most valent linguistic categories and structural speech models or narrative/utterance invariants, serving simultaneously as a base to modern integrative linguistic paradigm.

KEYWORDS: categories, predicables, topography, dialectic, structuring of existence, invariant, communication

¹ Тверской государственный университет, Тверь.

«Современные исследователи не опираются на продуктивный опыт прошлого, отвергая его чуть ли не с порога как дискредитировавший себя. Но невозможно идти вперед, не имея за спиной оправдывающих дальнейшие поиски результатов прошлых открытий»

Колесов В.В.

Введение

Имея исторические корни в глубокой древности, топка объективно функционирует в нашем мышлении и нашей речи сегодня, потому что является изначальной базой нашего человеческого сознания и взаимопонимания. Топика предлагает человеку *наиболее* обобщенные, универсальные категории: она классифицирует не объекты, а *отношения* между объектами и явлениями, создает в его мозгу первичную систему ориентации в мире и осваивается человеком очень рано. На ней базируется способность человека к освоению языка и логике общения и убеждения. Речь базируется уже на этих первичных представлениях о мире, о его отношениях и связях, потому что топика создает *необходимость* и *возможность* речи.

Топика как диалектическая система реализует *закон единства языка/речи/мышления в практике общения людей* независимо от сферы общения, уровня владения языком, возраста, национальности или принадлежности общающихся к определенному социуму. Минимальной единицей этой системы является *топ* (инвариантная структурно-смысловая модель высказывания, вершинная языковая категория), целостность и определенная контекстная завершенность которого позволяют предположить, что наша речь, если она содержательна, логична, выразительна и убедительна, целиком состоит из реализованных топов.

Топы исчислимы и имеют следующий списочный состав: 1.ДЕЙСТВИЕ, 2.СТРАДАНИЕ (претерпевание в результате воздействия), 3.ПРИЧИНА, 4.СЛЕДСТВИЕ, 5.СВОЙСТВА (признаки, качества), 6.ЧАСТИ, 7.ЦЕЛОЕ, 8.СРАВНЕНИЕ, 9.СОПОСТАВЛЕНИЕ, 10.ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ (противопоставление), 11.ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели), 12.ИМЯ, 13.ОБЩЕЕ (абстрактное), 14.ЧАСТНОЕ (конкретное), 15.РОД, 16.ВИД, 17.ОПРЕДЕЛЕНИЕ, 18.ПРИМЕР, 19.СВИДЕТЕЛЬСТВО, 20.СИМВОЛ.

Идея сформировать такой перечень исходит от Аристотеля и его категорий «числом десять». «Из слов, высказываемых без какой-либо связи, каждое означает или *сущность*, или *качество*, или *количество*, или *отношение*, или *место*, или *время*, или *положение*, или *обладание*, или *действие*, или *страдание*» (Аристотель 1939, с. 78). Если эти основные категории Аристотеля являются «одновременно категориями языка и мысли» (Степанов 1998, с. 252), то «Топика» Аристотеля – *описание способов использования* этих категорий в

мыслительно-речевой деятельности, касающейся не истинностного, а правдоподобного знания, т. е. бытового мнения, которое может иметь любой человек и по любому вопросу. В этом смысле топики Аристотеля не дополнение к его классической (формальной) логике, но ведущее руководство к мыслительно-речевой деятельности людей сегодня. Нами этот список формировался по критериям, обусловленным практической необходимостью в процессе общения людей, степенью актуальности для общающихся при спонтанной коммуникации. При очень широком значении термина «категории» и разных его толкованиях от Платона до Гартмана (ФЭС 2006, с. 204 – 205), мы исходили из его изначального смысла: от греч. *katagorein* – *высказывать*. Другими словами, в список вошли те категории, которые необходимы говорящим в процессе общения, чтобы понимать друг друга и взаимодействовать «здесь и сейчас».

Связь *топики*, *предикабиллий* и *категорий* Аристотеля не выявлена вполне и сегодня. Между тем, их значимость и взаимосвязь актуальны не только для философии, но и для широкого спектра гуманитарных наук – психологии, лингвистики, педагогики и др. На основании этой связи может быть построена интегративная лингвистическая парадигма. Однако чтобы это стало возможным, необходимо понять изначальную природу этих понятий, исходя из первоисточников, что мы и попытаемся предпринять в этой работе.

1. Топика как диалектика

Аристотель пишет о «Топике»: «Цель этого сочинения – найти способ, при помощи которого мы в состоянии будем из правдоподобного делать заключения о всякой предлагаемой проблеме и не впадать в противоречие, когда мы сами отстаиваем какое-нибудь положение» (Аристотель 1978, с. 349).

Аристотель не дает в своем трактате определений «топа» и «топики», но подробно рассказывает, как их использовать. При этом подзаголовки глав трактата – «Топика, или диалектика, и ее предмет», «О пользе диалектики», «Об овладении диалектикой» и т. д. (Аристотель 1978, с. 349–532) – свидетельствуют о том, что топики у Аристотеля отождествляются с диалектикой, а сам термин «диалектика» используется как уже освоенный современной ему наукой. Аристотель не изобретает топику, а *открывает* ее и систематизирует в научно-практических целях, опираясь на достижения предшественников.

Современные философы подразделяют древнюю диалектику на стихийную, как бы не осознаваемую древними, и так не называемую, и собственно античную диалектику, под которой понималось искусство вести беседу, спор с целью обнаружить истину. Из первой разновидности постепенно сформировалась современная диалектика, ядром которой является учение о единстве и борьбе противоположностей. Вторая разновидность постепенно выродилась в «общие места» и утвердилась в современной риторике. В то же время признается, что «эти две формы не были абсолютно разобщены», «ибо

искусство ведения спора, обнаружения и доказательства истины все более и более выступало как умение постигать предмет в присущих ему противоположных определениях, сводить эти определения к единству, усматривать единство противоположностей, т. е. все более становится диалектическим способом познания природы, общества и мышления» (Соколов 1972, с. 30).

Решая проблему архе (первоначал, первооснов), древняя диалектика унаследовала от мифологии метод *аналогии*: восприятие природы переносилось на процессы, происходящие в древнем полисе. Воспринимая изначально мир как *целое*, древнее сознание постепенно начинает его дифференцировать, выделяя *части* этого целого. Изменения, постоянно наблюдаемые в природе, приводят к осознанию непрерывного *движения*. *Свойства* и качества вещей постоянно обнаруживают свои противоположные крайности, которые сходятся и расходятся, перетекают одна в другую. Вопрос единого и многого, постепенное формирование абстрактных понятий приводит к необходимости как обобщения, так и конкретизации, а значит, к выделению *общего* и *частного*. «Проблема конкретизации представлений о целостности природы и ее непрерывном движении пронизывает всю историю античной философии. Эта конкретизация составляет едва ли не наиболее существенное в разработке *принципа развития*, увязывающего все природные изменения в единый процесс и рассматривающего человека вместе с его сознанием как неотъемлемое звено этого процесса» (Соколов 1972, с. 33). Принцип развития требовал, в свою очередь, выявления *причин* и *следствий*, а также обнаружения и осознания всеобщих *связей* между выявляемыми сторонами, аспектами, категориями бытия. Эти категории могли быть осознаны только через язык, только как названные и усвоенные человеком. Названное и усвоенное следовало сделать достоянием человечества, и здесь тоже невозможно обойтись без языка. Кроме того, названное и усвоенное должно быть истинным, а поиски истины предполагают общение и сопоставление разных позиций, точек зрения, мнений также посредством языка. Поэтому совершенно естественно «диалектика в античном смысле этого термина означала искусство речи, с помощью которого можно разъяснить ту или иную мысль собеседнику» (Соколов 1972, с. 39).

От осознания природы и общества античная мысль обращается к сущности мышления и познания. «В теоретико-познавательной области Демокрит стал, по сути дела, представителем античной диалектики *как учения о развитии мышления* на базе его противоположности – ощущений. Этим он восполнил диалектику логоса Гераклита. В этом пункте перед нами выступает диалектика диалога» (Дынник 1972, с. 132–133). Другими словами, если Гераклит занимается структурированием бытия, космоса, реальности, то Демокрит переносит исследование в сферу человеческого мышления, чувств и речи.

Впервые в истории человечества сила слова была сознательно использована софистами. Однако их отношение к истине, противоречивой и

единой одновременно (для Гераклита), совершенно другое – прагматическое: истина то, что полезно. Слова теперь важнее вещей, реальная действительность такова, какой ее представит Слово; не познать суть вещей, а сформировать полезное мнение, убеждение. Топика, впервые сформулированная софистами, была не диалектична, а софистична, а «софистика – это мнимая мудрость, а не действительная, и софист – это тот, кто ищет корысти от мнимой, а не действительной мудрости» (Аристотель 1978, с. 536). В то же время заслуги софистов в разработке топики на определенном этапе формирования этого понятия несомненны: софисты первыми попытались практически выделить наиболее общие способы мышления, которые можно реализовать в слове, и теоретически их обосновать; им же принадлежит и термин «топы», который в древнеримской интерпретации получил наименование «общих мест». «Протагор, Горгий, Продик и Фрасимах первыми рассуждали о местах общих» (Квинтилиан 1834 (часть I), с. 178). Точно неизвестно, какие и в каком количестве выделяли топы софисты. Однако дальнейшая история свидетельствует: всегда и все, кто обращались к топике в прошлом, стремились *исчислить топы, установить закономерности их функционирования и выявить их системность*.

Таким образом, у топики изначально два исторических источника: диалектика древних – с одной стороны, и софистика – с другой. Термин и первые классификации топов принадлежат софистам, живая сущность – Гераклиту и Демокриту.

По свидетельству З.Н. Микеладзе предметом изучения «Топики» Аристотеля являются не различные аспекты тех или иных ценностей «поэтического, этического, эстетического или иного характера», как в диалогах Платона (Платон 1993), «а *само диалогическое обсуждение*, наличествующее в сочинениях, имеющих литературную форму диалогов Платона. <...> Эта методологическая направленность мысли в "Топике" резко отличается от вещностной (объектной) направленности мысли в диалогах Платона. <...> Резюмируя, мы можем сказать, что *аристотелевское ядро "Топики" заключается в ее методологичности*» (Микеладзе 1978, с. 595. Курсив мой. – В.С.). Таким образом, топы не рассматриваются здесь как перечень «общих мест», как в наше время в риторике, ей совершенно обоснованно вручаются функции методологические.

Согласно *традиционной* (утвердившейся в риторике) точке зрения на топику «отдельные топосы представляют собой общепризнанные понятия, служащие для описания мира» (Варзонин 2002, с. 152). Однако традиционная точка зрения не вполне соответствует первоисточнику. Топика, понимаемая как диалектика, не может содержать «общепринятые точки зрения» по определению, потому что диалектика «не выводит заключений из чего попало, но только из того, что *нуждается в обсуждении*». Ведь «мы совещаемся относительно того, что, по-видимому, допускает возможность двоякого решения», и «никто не совещаемся относительно тех вещей, которые не могут,

не могли и в будущем не могут быть иными» (Аристотель 1978, с. 21). В 19-ом веке эта позиция Аристотеля не игнорировалась. Например, П.Г. Редкин пишет о «Топике» Аристотеля: «Такая-то диалектика и есть по Аристотелю не что иное, как то, что обыкновенно называют его топикой, то есть искусством, относящимся до общих мест (топос), *loci communes*, в смысле общих точек зрения, с которых можно вообще как защищать, так и опровергать данные положения, чем и объясняется само название топики» (Редкин 1891, с. 3).

Если бы под «точкой зрения» в данном контексте понималось общепринятое мнение, не могло бы быть и речи о том, чтобы «как защищать, так и опровергать», ибо это по определению невозможно. Пересказывая Аристотеля, он пишет: «...в диалектических силлогизмах все атрибуты, сказуемые, которые могут быть приданы субъекту, подлежащему или могут быть по отношению к нему оспариваемы, сводятся к следующим четырем классам: *случайное* или случайный признак, *род*, *особенное* или особенный признак и *определение*; так что диалектика состоит преимущественно в знании и в навыке, в обсуждении и приложении этих четырех классов. Далее (гл. 5) разъясняется каждая из этих *точек зрения* или *общих мест* (топос)» (Там же, с. 6). П.Г. Редкин, как видим, выстраивает синонимический ряд, достаточно непривычный для современного распространенного взгляда на топику: четыре класса наиболее общих положений = четыре возможных точки зрения на объект как четыре аспекта рассмотрения объекта = «общие места» = топы.

В пятой главе первой книги «Топики» Аристотель дает характеристики этим четырем классам понятий, четырем «общим местам», четырем «точкам зрения», четырем аспектам рассмотрения «вещи». Аристотель называет их *предикабиями* и полагает принципиально отличными от категорий «числом десять». Если в «Категориях» Аристотель заботится о том, чтобы установить связь между вещами и речью (он все время поверяет «сказываемое» соответствием «первым сущностям»), то в «Топике» он предлагает еще одну систему категорий, которую так не называет: предикабии больше связаны с мышлением, чем с бытием, хотя взаимодействуют с категориями. Этому взаимодействию специально посвящена в «Топике» девятая глава первой книги, где определена приоритетность бытия относительно мышления, зависимость мышления от бытия: «Ведь привходящее, и род, и собственное, и определение всегда принадлежат к одной из этих категорий. В самом деле, все положения, образованные посредством их, означают или суть [вещи], или количество, или качество, или какую-нибудь из остальных категорий» (Аристотель 1978, с. 358).

Таким образом, система предикабий выделялась и формировалась Аристотелем *по другому, чем категории, основанию*. На первом месте здесь *определение*, т. е. не *бытие*, а «сказывание» о нем, не сущность (она в категориях), а «речь, обозначающая суть». *Собственное* и *привходящее* – это *признаки*, которые следует различать посредством мыслительной операции. И *род*, «то, что сказывается...», для Аристотеля явно связан с мышлением: он

относит *род* ко «вторым», хотя и «сущностям». Если иметь в виду предикабилии, то «Толика» Аристотеля уже не представляется в виде случайного собрания разрозненных фактов, образцов и примеров. На первом месте в этом сочинении Аристотеля мыслительная деятельность, реализованная в речи, мышление относительно бытия – *в общении*, т. е. тогда, когда «отстаиваем какое-нибудь положение». «Один топ состоит в рассмотрении того, не выдали ли за привходящее то, что присуще каким-то другим образом» (Там же, с. 374); «Другой топ состоит в рассмотрении [вещей], о которых утверждают, что нечто присуще им всем или ни одному не присуще» (Там же, с. 375); «Следующий топ состоит в том, чтобы дать определение привходящего и того, для чего оно есть привходящее, ...а затем выяснить, не взято ли в определении как истинное нечто неистинное» (Там же). Таким образом, под топами у Аристотеля понимаются *определенные мыслительные операции* посредством категорий и предикабилий относительно «вещей», аспектов их бытия. Эта *совокупность способов* рассмотрения объектов действительности с разных сторон и с разных точек зрения и представляла собой собственно *топику* Аристотеля, его *диалектику* (Там же, с. 349–352).

2. Трансформации категорий Аристотеля

На протяжении веков категории, предикабилии и топы Аристотеля не только исследовались, но и видоизменялись. С течением времени их объединяют в одну общую систему, которая постепенно трансформируется в «места риторические», а в наше время (в возрожденной риторике) и вовсе превращается набор неких «нравственных констант» (Аннушкин 2005; Рождественский 2005). Непростой путь трансформации категорий Аристотеля сегодня большинством специалистов забыт, и топы, или «общие места», рассматриваются исключительно как «места риторические».

Трактат Цицерона под тем же названием «Толика» (Цицерон 1975, с. 56–81) – типичный образец объединения категорий, предикабилий и топов Аристотеля и переломный этап в развитии этой системы. Это объединение происходит как бы помимо желания самого Цицерона, потому что в начале своего произведения он выражает намерение всего лишь «преподать» некоему Гаю Требатию «Топику» Аристотеля. Однако в отличие от Аристотеля, для Цицерона диалектика и толика далеко не одно и то же: к первой он относит «пути суждения», ко второй – «искусство приискания» (Цицерон 1975, с. 58).

Удалив диалектику из топики и скалькировав термин Аристотеля «топ» как «место», Цицерон утверждает, что «этим словом Аристотель назвал как бы хранилища, откуда извлекаются доказательства» (Там же). В числе этих «как бы хранилищ» он называет и *категории* Аристотеля, и его *предикабилии*, и собственно *способы*. «Способы» – прерогатива «диалектиков», но Цицерон полагает их умозаключения избыточными (Цицерон 1975, с. 68–69). При этом у него получается уже *другая* система топов. Он выделяет две разновидности «мест»: «одни связаны с тем, о чем ведется дело, другие же берутся со

стороны» (Там же, с. 58). К первой разновидности он относит *целое* (к которому присоединяет *определение*), *части*, *обозначение* («когда доказательство извлекается из смысла слов»), «соотносящееся с вопросом», где выделяет «множество частей», в том числе *род*, *вид*, *уподобление*, *различие*, *противоположности*, *обстоятельства*, *причину*, *следствие*, *сравнение*. Вторая разновидность соотносится с теми доказательствами, которые «выводятся прежде всего *из авторитета*» или «*свидетельства*» (Там же, с. 58–61, 74). Цицерон подробно рассматривает каждое из «мест», стремясь, с одной стороны, их разграничить, с другой – выявить моменты их взаимодействия. Попутно обнаруживаются и «вспомогательные» места-топы, которые представляют собой разновидности уже перечисленных. Например, «*уподобление* также является тем местом, в котором находят *примеры*» (Там же, с. 66), а «случай», «*действие*» может оказаться «*причиной события*» (Там же, с. 71).

Квинтилиан, при всем своем благоговении перед Цицероном, возвращает термину «диалектика» аристотелевское понимание и разделяет, в свою очередь, «общие места» и «источники изобретения». Под первыми он понимает общепринятые мнения, «заготовки», которые можно при случае использовать; под вторыми – *наиболее общие категории*, в соответствии с которыми можно строить собственные высказывания, излагая – по одним и тем же моделям – разные точки зрения. При этом «источники изобретения» Квинтилиана практически совпадают с категориями Аристотеля (Аристотель 1978, с. 53–90; Квинтилиан 1894, с. 350–375).

Таким образом, понимание в современной риторике топики как «общих мест» имеет, скорее всего, своим истоком *общепринятые мнения*, «заготовки» Квинтилиана. Тогда как топка как система структурно-смысловых моделей восходит к «*источникам изобретения*» Квинтилиана, основанным на категориях Аристотеля, которые, в свою очередь, есть систематизация, обобщение общечеловеческого опыта в бытии и мышлении, начиная с Гераклита.

3. Формализация топики

В средние века топка уже не отождествляется с диалектикой, но диалектика отождествляется с логикой, и никакого теоретического развития топка как диалектика в это время по сути дела не получает.

В 1549 году П. Раме пишет трактат «Аргументы в риторике против Квинтилиана», в котором объединяет Аристотеля со схоластами и (P. Ramus). В его работе представление о риторике сужается до стиля изложения, а диалектика включает в себя *изобретение*, *расположение* и *запоминание*. Топы же «числом десять» (как категорий у Аристотеля) – основа изобретения, и к риторике, как и к логике, отношения не имеют. Таким образом, с одной стороны, у П. Раме риторика и диалектика, как и у Аристотеля, имеют разные задачи, являются разными науками, а с другой стороны они обеднены, выхолощены, формализованы.

К XVI веку логика, риторика, диалектика считаются не только разными, но и очень специализированными науками. *Топика* трактуется как часть диалектики. В то же время топам придается исключительно большое значение, они возводятся в ранг «благородных истин» и полагаются универсалиями, необходимыми для поиска нужных мыслей.

Фома Аквинский, например, предлагал следующую схему, ставшую, по мнению Т. Фивега, классической: 1) *utrum* (постановка проблемы); 2) *videtur quod* (подобные точки зрения); 3) *sed contra* (противоположные точки зрения); 4) *respondeo dicendum* (ответ, решение); 5) в то время как (снова возражения, которые уже есть или могут появиться против решения) (Шуйская 2005, с. 197).

Здесь речь идет о двусторонней аргументации – и только, безусловно имеющей практическое значение при подготовке к публичному выступлению и для обучения аргументированной речи. Но как далеко это от топики-диалектики Аристотеля, от его всеохватных категорий бытия, языка и мышления!

Общая тенденция формализации и опрощения топики убедительно прослеживается в исторической судьбе топа ИМЯ. Категорию *имя* Аристотель еще не выделяет, потому что для него важнее *сущность* – категория, непосредственно связанная с бытием, а в предикабилиях – *определение*, которое «есть речь, обозначающая суть бытия» (Аристотель 1978, с. 353). Хотя неформально, не выделенное в качестве категории, *имя* у Аристотеля употребляется довольно часто: «... у того, что говорится о подлежащем, необходимо сказывается и имя и понятие» (Там же, с. 56). Или: «... если нечто находится в подлежащем, то ничто не мешает, чтобы его имя иногда сказывалось о подлежащем» (Там же, с. 58). Цицерон же выделяет в своей «Топике» *обозначение*, «когда доказательство извлекается из смысла слов» (Цицерон 1975, с. 58), понимая этот топ чисто прагматически, не связывая с сущностью бытия и не выделяя топ *сущность*. И, наконец, у М. В. Ломоносова *имя* связывается уже исключительно со *словопроизводством* и *словосцеплением*. Из перечня М. В. Ломоносова *имя*, отождествляемое только тогда, когда речь идет о происхождении слова, о его этимологии, видимо, и перешло в современные риторики: «Топ имени <...> используется для обоснования значения, которое свойственно или приписывается соответствующему слову. Это значение слова «по этимологии» апеллирует к языку или отражению «народного сознания», «общего мнения» (Волков 2003, с. 58). «Смысловая модель «имя» является источником изобретения мыслей, развития темы – обращение к происхождению и (или) смыслу слова (имени)» (Михальская 1996, с. 158). Недостаточность такого понимания топа ИМЯ представляется очевидным (более подробно см. Садикова, 2010а), хотя оно логически вытекает из толкования топов как *общих мест*.

В целом в средние века топики, предикабилии и категории Аристотеля продолжают свое существование, однако все более формализуются и содержательно беднеют.

4. Неприятие «общих мест»

Схоластическая традиция понимания древних греков была преодолена далеко не сразу. Ф. Бэкон причисляет Платона и Аристотеля к софистам (наряду с Горгием, Протагором и Гиппием), видя разницу только в том, что первый род софистов «был бродячий и наемный», а второй «был более важен и благороден», «но оба эти рода состояли из ораторов», а их слова – это «слова праздных стариков для невежественных юношей» (Бэкон 1935 (1620), с. 138). В то же время Ф. Бэкон, отвергая «логику, которая имеет отношение только к названиям (Курсив мой. – В. С.) того, что рассматривается» (Там же, с. 449), претендует на истинное знание, которое видит в том, чтобы, опираясь на чувственные ощущения, систематизировать опыт и вернуть людей к «естественной философии». Он составляет так называемые *Таблицы Представления*, подчеркивая, что его *Таблицы* опираются на естественные законы природы, систематизируют и обобщают *Формы* реально существующих вещей. При этом он все равно не может обойтись без логико-диалектических категорий – таких как *признак, действие, сравнение, части и целое* и подобных. Он, описывая метод индукции («*другое* наведение») и будучи его горячим поклонником, активно использует *пример*, внося его даже в уточненное название своих знаменитых Таблиц, отражая тем самым их «задачу и цель»: «Представление Примеров Разуму» (Там же, с. 253). Осознав же, что его система тоже тяготеет к обобщению, пишет: «Но если кому-то и наши *Формы* покажутся несколько «абстрактными» по той причине, что они смешивают и сочетают разнородные вещи <...>, пусть он знает, что его разум пленен и опутан привычкой, кажущейся целостностью вещей и обычными мнениями» (Там же, с. 235). Таким образом, 1) признавая только естественнонаучное знание, Ф. Бэкон все равно не может обойтись без логико-диалектических (топических) категорий, которые отвергает; 2) смысл своей «работы истинного Наведения» он видит в достижении истинного знания, чему мешают, по его представлению, «привычка» и «обычные мнения»; 3) «сказывание» своих взглядов, т.е. изложение своего мнения, он производит, как и все до него (и после него – тоже), посредством структурно-смысловых моделей (топов).

Р. Декарт отождествляет диалектику с общими местами, противопоставляя ее логике. Предшественники, которые занимались диалектикой – логикой – топикой, вызывают его очевидное неодобрение: «В учебных заведениях я из философских наук изучал логику... Но в отношении логики я заметил, что формы силлогизмов и почти все другие ее правила не столько содействуют исследованию того, что нам неизвестно, сколько изложению для других того, что мы уже знаем, или даже, как искусство Луллия, бестолковой и пространной болтовне о том, что нам неизвестно. Такую науку скорее можно назвать диалектикой, поскольку она учит нас рассуждать обо всем, нежели логикой, дающей нам доказательства относительно всех вещей. Таким образом, диалектика скорее нарушает здравый смысл, чем укрепляет его; ведь, отвлекая нас и погружая наш ум в эти общие места и

посторонние для сути вещей вопросы, она отвлекает наше внимание от самой природы вещей» (Декарт 1994 (1648), с. 483–484).

И другие авторы выражают свое негативное отношение к «общим местам». «Не стоит задаваться вопросом, когда следует рассматривать общие места: это не важно. Быть может полезнее разобраться, не лучше ли было бы не рассматривать их вовсе» (Арно, Николь 1991 (1662), с. 236). Х. Блер полагает, что тот, кто воспользуется «сими *Loci communes*, местами», «учинит рассуждения свои невразумительными и неприятными»; что «сии прекрасные системы произвели, может быть, блистательные и сильные декламации, но ни одной полезной и убедительной речи» (Блер 1800, с. 58–59). В XIX веке В. Г. Белинский думает о топике то же самое: «Эти так называемые источники изобретения, эти топики, эти общие места, которыми риторика гордится как своим истинным и главным содержанием, – все это решительно пустяки, и пустяки вредные, губительные» (Белинский 1955 (1843), с. 511).

Однако топика настолько вездесуща, что фигурирует, не признанная, даже у тех ученых, которые ей безоговорочно отказали в праве на существование в качестве «общих мест». А. Арно и П. Николь, осудив «общие места» в традиционном понимании, чуть выше размышляют «о разновидностях общих идей: родах, видах, видовых отличиях, собственных признаках, случайных признаках». В другой главе они говорят «о сложных терминах, об их общности и частности», совершенно очевидно не связывая их с «общими местами», а по сути – рассматривая именно их, но в конструктивном – диалектическом – смысле, как топы (Арно, Николь 1991, с. 54–65). То же самое делает и Х. Блер: «Желаете ли вы представить предмет в самом лучшем виде? Размышляйте об оном довольно глубоко, чтоб рассмотреть оный со всех сторон. Исследуйте по том, какой луч может сообщить ему Священное Писание; какие соотношения или несходства может он иметь с другими предметами; после умножайте ясность, сравнивая его или противопоставляя оным; открывая его причины, или исчисляя его действия, предлагая примеры, или ссылаясь на чувствования ваших слушателей» (Блер 1800, с. 55). Очевидно, что Х. Блер предлагает пользоваться структурно-смысловыми моделями СВИДЕТЕЛЬСТВО (ссылка на Священное Писание), СОПОСТАВЛЕНИЕ («соотношения или несходства»), СРАВНЕНИЕ и ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ («сравнивая или противопоставляя»), ПРИЧИНА, ДЕЙСТВИЕ, ПРИМЕРЫ, конечно же, не мысля их как структурно-смысловые модели, но полагая естественными способами постижения сути предмета и формулирования своих мыслей по этому поводу.

Таким образом, рассматривая «общие места» как конкретные аргументы, одинаково пригодные на все случаи жизни, авторы справедливо отвергают их возможность использования в речи как не творческие, застывшие, ограничивающие содержательность и глубину речи. В то же время они чувствуют их применимость в качестве обобщенных приемов глубокого размышления над предметом речи, потому что в любом высказывании есть и

абстрактная, типичная, схематичная, модельная составляющая, и конкретная, лексико-синтаксическая, семантическая составляющая.

5. Морализация топики

Еще больше сходства с «категориями» Аристотеля и «источниками изобретения» Квинтилиана обнаруживают «общие места риторические» М.В. Ломоносова: «Все идеи изобретены бывают из общих мест риторических, которые суть: 1) род и вид, 2) целое и части, 3) свойства материальные, 4) свойства жизненные, 5) имя, 6) действия и страдания, 7) место, 8) время, 9) происхождение, 10) причина, 11) предыдущее и последующее, 12) признаки, 13) обстоятельства, 14) подобия, 15) противные и несходные вещи, 16) уравнения (сравнения)» (Ломоносов 1952, с. 102). По сути дела перечень М.В. Ломоносова объединяет *категории, способы (топы) и предикабилии* Аристотеля. Однако топики как система принимает все более «морализованный» вид. Утрачивается и сам термин «топики» Отныне употребителен только один термин – «общие места».

Именно в Ломоносовском списке появились те отличия, которые сегодня считаются актуальными для риторики: «Число общих мест остается традиционным – 16, но это уже не повторение традиционной системы. Из перечня, повторяющегося в русских доломоносовских риториках, 1) исключено определение, 2) объединены словопроизводство и словосцепление («имя»), 3) введены топы жизненных свойств и материальных свойств, 4) введен топ действия и страдания, 5) в качестве отдельных топов рассмотрены время и место, 6) введен топ происхождения, 7) исключен топ «действие» традиционных риторик (результат), 8) при сохранении дихотомии «подобие – уравнение» исключен топ неподобия, участвующий в симметричной дихотомии «неподобие – противное» (Шуйская 2005, с 58).

Общие места в риторике традиционно рассматриваются как «этикомемы» (исторически обуславливалось только их иное наполнение). Можно предположить, что изменения, внесенные М.В. Ломоносовым в традиционную систему, были связаны именно с этим. Зачем, например, вносить в этот перечень *определение*, если его нельзя этически классифицировать: определение должно отражать объективную истину, а значит оно этически нейтрально. Еще раньше, до Ломоносова, по той же причине ушла из традиционной риторической системы «общих мест» Аристотелевская категория *сущность*.

6. Бытие как целостность

Аристотель первый представил *систему* (категорий, предикабилий и способов-топов), охватывающую *все* бытие, осваиваемое человеком. Его величайшая заслуга в том, что он сумел охватить Бытие целиком как объективно существующую реальность и в то же время представить его – через категории – доступным осознанию человеческим разумом. Его категории –

роды бытия, несводимые к более крупным категориям, и в то же время представленные так, как может их представить человеческое сознание. Они не неподвижны, а диалектически взаимосвязаны и взаимодейственны, поэтому и в языке они таковы же. Язык связан с мышлением, а значит, категории бытия есть *одновременно* категории мышления.

Диалектика родилась из диалогической речи, а это значит, что языкознание может базироваться только на диалектических принципах независимо от того, какой концепции, теории, научной парадигмы придерживается ученый. Чтобы базироваться на диалектике в языкознании, следует опираться на категории (в широком смысле, совокупно с предикабилиями и топами) Аристотеля как на первое синтетическое осмысление бытия через речь и мышление. Диахронический путь развития этой диалектики шёл от целостного представления о бытии, то одна, то другая сторона которого высвечивалась в сознании древних ученых, через «стяжение» в *категориях* Аристотеля – первое синтетическое обобщение представлений о бытии, и дальнейшее «распыление» в теоретических изысканиях философов, логиков, филологов разных научных школ всех времен и народов. Однако топика не начинается с Аристотеля и не заканчивается им. Великий ученый только подытожил предшествующие представления о топике, действительно впервые дал теоретическое обоснование этому понятию и показал, как пользоваться топикой в речевой практике. Полагаем, что настал момент для нового осмысления, нового «стяжения» категорий бытия, языка и мышления в единое ЦЕЛОЕ с учетом современного состояния языка, наук, общества. Поскольку термин «категории» слишком многозначен, а *категории* Аристотеля лишь прототип системы структурно-смысловых моделей (инвариантов) высказывания, полагаем, что сегодня можно было бы использовать в этом смысле термины «топика» и «топы». С одной стороны, эти термины достаточно древние и изначально имели отношение к высказыванию («сказываемому»), с другой стороны, они – то хорошо забытое старое, которое может функционировать в современном языкознании как новое.

Наблюдая и анализируя современные способы общения, мы убедились, что категории, предикабилии, и топы Аристотеля продолжают оставаться базой для взаимопонимания и речевого взаимодействия людей. Опираясь на них, мы выделяем наиболее оптимальный, на наш взгляд, перечень современных топов, понимаемых как диалектическая система вершинных языковых категорий и структурно-смысловых моделей, реализуемых как в бытовой речевой практике, так и в любом научном гуманитарном исследовании (более подробно см.: Садикова 2011):

1.ДЕЙСТВИЕ, 2.СТРАДАНИЕ (воздействие), 3.ПРИЧИНА, 4.СЛЕДСТВИЕ, 5.СВОЙСТВА (признаки, качества), 6.ЧАСТИ, 7.ЦЕЛОЕ, 8.СРАВНЕНИЕ, 9.СОПОСТАВЛЕНИЕ, 10.ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ (противопоставление), 11.ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели), 12.ИМЯ, 13.ОБЩЕЕ (абстрактное), 14.ЧАСТНОЕ (конкретное), 15.РОД,

16.ВИД, 17.ОПРЕДЕЛЕНИЕ, 18.ПРИМЕР, 19.СВИДЕТЕЛЬСТВО, 20.СИМВОЛ.

Именно они адекватно отражают целостность бытия в сознании людей и позволяют эту целостность оперативно структурировать «здесь и сейчас» в процессе общения.

Как это происходит? Топы, имеющие диалектическую природу, пребывающие в языке как *вершинные языковые категории* и *потенциальные языковые знаки*, реализующиеся в мышлении и речи как *структурно-смысловые модели* (Садикова 2009, с. 86–109; Садикова 2010), обязаны своим функционированием исключительно коммуникации, поэтому не могут изучаться в отрыве от общения, несмотря на свой абстрактный характер. Общение, в свою очередь, обуславливается *ситуацией как конкретизированным бытием*, а рекурсивный характер топики как системы связывает воедино Язык, Мышление и Бытие – через коммуникацию, через общение индивидуальных сознаний. Ситуация создает «топопорождающие» условия, ведущими из которых следует считать:

- *актуальность*, обусловленную внешними обстоятельствами;
- *целеполагание*, связанное с внутренними мирами общающихся;
- *убеждаемость* – как актуальное и целенаправленное *воздействие* на сознание оппонента;
- *когерентность*, предполагающую связность не только языковых средств, но всех ситуативных составляющих, обусловленных экстралингвистическими факторами.

В самом общем значении эти категории определяют формирование и структурирование *смысла*, который обретает существование в процессе нашей коммуникации. *Актуализация* связана с внешним бытием; *убеждаемость* (а не аргументативность, присущая формальной логике) и *целеполагание* – с нашим сознанием. И то, и другое реализуется *в процессе общения «здесь и сейчас»*.

7. Категории Аристотеля и современная лингвистика

Нельзя сказать, что современные лингвисты совсем не обращались к категориям Аристотеля. Например, Э. Бенвенист рассматривает отношения языка и мышления, «исходя из "категорий", <...> которые греческий мыслитель считал потенциальными предикатами любого объекта и, следовательно, рассматривал как набор априорных понятий, организующих, по его мнению, опыт» (Бенвенист 2002, с. 106). Изначально приписывая категориям Аристотеля языковую сущность, Э. Бенвенист приходит к выводу, что «классификация этих предикатов показывает нам прежде всего структуру классов форм одного конкретного языка» (Там же, с. 111). Той же точки зрения придерживается и Ю.С. Степанов: «...в виде категорий у Аристотеля перечислены <...> все формы сказуемого, которые могут встретиться в простом предложении древнегреческого языка» (Степанов 1998, с. 543). Таким образом, ученые-лингвисты приписывают Аристотелю, на наш взгляд, позицию, которой у него

не могло быть по определению: в его время науки лингвистики не было, и Аристотеля интересовал не собственно язык, а Бытие и сущность вещей. Большинство современных ученых соглашаются с мнением авторитетнейших лингвистов, которое они высказывают в своих работах неоднократно (Бенвенист 2002, с. 104–114; Степанов 1981, с. 120–134; Степанов 1995, с. 55–56; Степанов 1998: 542–580).

С учетом сказанного выше, на наш взгляд, возможен и другой подход. Вывод Ю.С. Степанова относительно того, что «Аристотелю удалось на основе анализа греческого языка его времени установить три основные категории – «Сущность», «Состояние», «Отношение», являющиеся одновременно категориями языка и категориями мысли; выявить достаточно полный набор подчинённых им категорий (таких, как «Время», «Место» и т.д.); наметить отношения между основными и подчинёнными категориями не как родо-видовые, а как отношения предикатов соответствующих суждений-предложений» (Степанов 1998, с. 552–553), нам не представляется исчерпывающим и достаточным.

В связи с необходимостью разработки интегративной лингвистической парадигмы следует обратиться к еще одной древней проблеме, теснейшим образом с ней связанной, к проблеме языковых универсалий. Часто понимаемая примитивно, эта проблема рядом ученых просто снимается с повестки дня. Например, в Лингвистическом энциклопедическом словаре логическое направление в языкознании характеризуется «тенденцией к выявлению универсальных свойств языка *в ущерб* его национальным особенностям», а «выработка единых принципов анализа языка» отождествляется с «*общим для всех языков представлением структуры предложения, системы частей речи и др.*» (ЛЭС 2009. Курсив мой. – В.С.).

Никакого «ущерба» национальным особенностям языка при выявлении его универсальных свойств не может быть нанесено при условии *диалектического* подхода к проблеме; сами же универсальные свойства имеют косвенное (опосредованное) отношение к структуре предложения или частям речи. В 1961 году Ч.Ф. Хоккетт писал: «...наша цель – не изобретать языковые универсалии, а открывать их. Но как открывать их – не очень ясно. Было бы справедливым утверждать, что задачи, которые преследует поиск универсалий, совпадают с общими задачами лингвистики по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, это утверждение истинно в эвристическом смысле: мы не можем быть уверены, и это касается любой области лингвистического анализа, что тот или иной анализ не приведет к обнаружению чего-либо существенного для поиска универсалий. Во-вторых, правдоподобие (если не неизбежная истинность) этого утверждения обнаруживается, когда мы принимаем одно из возможных определений лингвистики как отрасли науки, той отрасли, цель которой определить место человеческого языка во вселенной» (Хоккетт 1970, с. 45). Ч.Ф. Хоккетт, с одной стороны, связывает лингвистические универсалии и интегративную лингвистическую парадигму в

единую проблему, а с другой стороны, демонстрирует *диалектический подход* к проблеме, который сегодня в исследованиях, посвященных языку, на наш взгляд, практически не применяется, хотя однозначно декларируется, как «общее место».

Именно через универсалии может быть продуктивно рассмотрена и объяснена репрезентация мыслительных структур в языке. Хотя можно говорить, как нам представляется, не о «репрезентации мыслительных структур в языке», а об *общей коммуникативной речемышлительной структуре*, о системе таких единиц, которые органично функционируют в интеллекте (мышлении), языке (речи) и общении (понимании), динамически связывая их. Понятно, что эта система единиц (топов) представляет собой систему универсалий.

Хотя традиция диктует другое: часто все, что выше, «абстрактнее», синтаксиса относят уже не к языку, а к мышлению и логике. Характерным в этом отношении является выделение авторитетнейшим лингвистом-философом прошлого века О. Есперсеном *понятийных категорий как внеязыковых* [Есперсен 1958: 58]. Однако это не мешает сегодня справедливо полагать, что *именно посредством этих категорий осуществляется «исследование языка с внутренней стороны»* [Худяков 2006]. Такое – одновременно внеязыковое и внутриязыковое – положение тех *понятийных категорий*, которые составляют топику, обусловлено ее диалектическим происхождением и каждодневным функционированием в современной коммуникативной практике.

8. Выводы

Посмотрев на *категории, предикабилии и топы* Аристотеля глазами лингвиста, представив их как интегративную *целостную систему*, учитывающую и более поздние достижения ученых в этом аспекте, предлагаем дать ей обобщенное название *топика* – в память о первоисточнике. В процессе исследования мы пришли к некоторым *выводам* (которые, конечно же, требуют уточнения, более глубокого обоснования и дальнейшего развития, чем это можно сделать в статье):

1. Топика является диалектикой древних, но продолжает оставаться актуальной и сегодня, составляя системную основу нашего мышления, речепроизводства и взаимопонимания в процессе общения.

2. Топика как диалектика представляет собой ряд *сложившихся в речевой практике* людей обобщённых конструктов и может рассматриваться как система структурно-смысловых моделей сверхсинтаксического уровня, которые отвечают нормам логического построения речи в процессе естественного речевого общения.

3. Минимальной единицей этой системы является *топ*, целостность и определённая контекстная завершённость которого позволяют предположить, что наша речь, если она содержательна, логична, выразительна и убедительна, целиком состоит из *реализованных* топов. *Топ* отождествляется с *инвариантом*

высказывания, под которым понимается потенциально полный объективно-абстрактный языковой знак-модель.

4. Топы *исчислимы* (см. выше список). Необходимость и достаточность списка обусловлена степенью актуальности для общающихся в процессе естественной коммуникации и порождения коммуникативного смысла. Они образуют *общую коммуникативную речемыслительную структуру* и систему таких единиц, которые органично функционируют в интеллекте (мышлении), языке (речи) и общении (понимании), динамически связывая их. Эта система единиц (топов) представляет собой систему универсалий.

5. Топика – это система *структурно-смысловых моделей*, функционирующих диалектически в процессе коммуникации, подобно «превращенным формам» М.К. Мамардашвили: «Действие синкретического механизма превращенной формы основывается на том, что отношение уровней системы оборачивается: продукты процесса выступают как его условия, встраиваются в его начало в виде предваряющих "моделей"» (Мамардашвили 1992, с. 279). Другими словами, топы *одновременно* и продукты процесса – как *реализованные* топы, как *конкретные* высказывания в каждодневной речевой деятельности, и условия, *предваряющие* процесс речевой деятельности и ее понимание, как *смысловые инварианты*, которые существуют в сознании априорно, *до того*, как мы начинаем общаться.

Литература

- Аннушкин В.И. Риторика: Вводный курс: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 296с.
- Аристотель. Категории / Пер. А.В. Кубицкого. М.: Гос. соц.-эконом. изд., 1939. 84с.
- Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 687с.
- Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения. М.: Наука, 1991. 413с.
- Белинский В.Г. Общая риторика Н. Кошанского // Полн. собр. соч. Т.7. Статьи и рецензии 1843–1845 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 503–514.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448с.
- Блер Х. Опыт о красноречии проповедников. Пер. И. Павинского. СПб, 1800. 124с.
- Бэкон Ф. Новый Органон. Л.: ОГИЗ–СОЦЭКГИЗ, 1935. 383с.
- Варзонин Ю.Н. Когнитивно-коммуникативная модель риторики: дис... д-ра. филол. наук. Тверь: ТвГУ, 2001. 268 с.
- Волков А.А. Основы риторики: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2003. 304 с.
- Декарт Р. Беседа с Бурманом // Соч. в 2-х тт. Т.2. М.: Мысль, 1994. С 447–488.

- Дынник М.А. Демокрит // История античной диалектики. М.: Мысль, 1972. С. 127–135.
- Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд. иностр. лит-ры, 1958.
- Квинтилиан М.Ф. Двенадцать книг риторических наставлений. В 2-х частях. Пер. А. Никольского. Часть 1. СПб., 1834.
- Колесов В.В. Реализм и номинализм: Определения и классификации. Режим доступа: <http://katrina-z.fromru.com/lib/kolesovrealizm.htm>. (Дата обращения 28 июля 2012).
- Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс 2009].
Режим доступа: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/logicheskoe%20napravlenie/319>
- Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч. – Т.7. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1952. С. 89–378.
- Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М.: Прогресс; Культура, 1993. – 352 с.
- Микеладзе З. Н. Основоположения логики Аристотеля. Примечания // Аристотель. Соч. в 4-х тт. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 594–598.
- Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. М.: Просвещение, 1996. 416 с.
- Платон. Собр. соч. в 4-х тт. Т.2. М: Мысль, 1993. 526 с.
- Редкин П.Г. Обзорение существенного содержания философских сочинений Аристотеля. Окончание логики: топка // П.Г. Редкин. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще.– С-Пб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1891. – Т. 6. – С.1–43.
- Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. М.: Флинта: Наука, 2005. 176 с.
- Садикова В.А. Топика: история, теория, практика: Монография. Тверь: ТвГУ, 2009. 188 с.
- Садикова В.А. Топика как система «вершинных» языковых категорий //Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2010. С. 144–153.
- Садикова В.А. Топ «ИМЯ» // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. № 2 (19). 2010. Идентификационный номер 0421000038\0012. Режим доступа: <http://tverlingua.ru> (0,5 п.л.).
- Садикова В.А. Топика как типология инвариантов высказывания. Функционирование вершинных языковых категорий-топов в науке и бытовом общении. Германия: LAP Lambert Academic Publishing (номер проекта: 34749, ISBN: 978-3-8465-5759-4). 2011. 364 с.
- Соколов В.В. Исторические условия формирования античной философии и диалектики // История античной диалектики. М.: Мысль. 1972. С. 5–45.
- Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. М.: Наука, 1981. 360 с.

- Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 35–73.
- Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
- Цицерон М.Т. Топика // Марк Туллий Цицерон. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1975. С. 56–81.
- Философский энциклопедический словарь / Ред. составители: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблёва, В.А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 2006. –576с.
- Хоккетт Ч.Ф. Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. – Вып. 5. М.: Прогресс, 1970. – С. 45–76.
- Худяков А.А. Понятийные категории как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс 2006] // Лингвистика. Общие вопросы теории и методологии / Поморский государственный университет. Режим доступа: <http://www.PomorSU.ru/?page&id=sin50301>.
- Шуйская Ю.В. Топика и аргументация в различных теориях риторики: дис...канд. филол. Наук. М.: РГБ, 2006. – 180 с. (с приложениями – 534с.).
- Ramus P. Ramus P. Arguments in Rhetoric against Quintillion. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://go.mail.ru/search?q=P.%20Ramus%20%20%20>